

Авторы:
Редакция ЛКИ
и съемочная группа

Лихий Припять

Экстремальная экспедиция в Зону отчуждения

Бывают поездки, подготовка к которым сама по себе интересна. Как, например, эта.

Безопасная одежда и обувь, респираторы, дозиметры... Изучение маршрута и обстановки. Нахмуренные брови друзей: «Ну вы смотрите там, осторожно...», трагические глаза родственников: «Куда ж вас несет? Вам же еще жить и жить!», нервные улыбки коллег. Бородатые шутки вроде: «Так как вас потом называть? Ваша светлость? Ваше сиятельство? Или, может, на немецкий манер, с приставкой «фон»?»

Но собраны вещи, теоретическая часть твердо усвоена и освоена, навязчивое внимание окружающих остается позади. Впереди — Зона отчуждения.

Подходы

Ощущение Зоны началось еще с Киевского автовокзала. Подпирающие небо полуразрушенные бетонные колонны... Брошенный посреди дороги проржавевший кузов белых «жигулей»... Причудливые пестрые конструкции «Макдональдса» — и паренек с опухшим лицом, неловко бредущий мимо, как настоящий зомби с «Янтаря»...

Впрочем, принято считать, что Зона начинается с КПП «Дитятки». Именно здесь она отгораживается от остального мира забором из «колючки» в человеческий рост, массивным шлагбаумом и яркими знаками.

Упитанный старлей хмуро изучает список «личного состава». Осмотрев группу, он, несколько подобрев лицом, бурчит себе под нос что-то вроде: «Ну, это еще куда ни шло». Оказывается, несколько дней назад в Зону безуспешно прорывалась группа горе-журналистов с какого-то телеканала. Их каблуки и декольте были встречены тут, прямо скажем, без понимания...

Почти сразу за «Дитятками» меняется дорога: асфальт покрыт «латками» ржавого цвета, микроавтобус начинает ощутимо потряхивать. По обочинам топорщится густой лес, мелькают синие знаки с названиями деревень. Позади Черевач — лес как лес; а чуть дальше в селе Залесье, протянувшемся вдоль дороги, уже видны дома среди леса. Нежилые дома.

По дороге в Чернобыль начинают рушиться привычные представления о Зоне. Тут ожидаешь

увидеть остаты домов, темные оконные проемы, скелеты крыш; выжженную бесплодную почву, покрытую извами белесоватого налета; ярко-желтый лес табличек «радиация»; свалки ржавеющей техники, труб, всяческий мусор; и руины, в которых никто не живет.

Вот эти представления и ломаются за тот короткий промежуток времени, пока мы едем. Потому что вокруг — Жизнь, зеленое царство...

Чернобыль

Уютный чистый городок, типичный районный центр советского образца. С неизбывным Ильичом на площади. Невольно вспоминается лукинский Гуляй-Град — но, впрочем, скоро замечаются детали, нарушающие пасторальную картину. Детей нет, женщин почти нет, типичная одежда — камуфляж. Примерно как у нас.

На уличном табло ползет зеленая надпись — сегодня радиационный фон равен... Символично.

Все коммуникации здесь проводятся над землей — копать небезопасно, грунт «грязный». Но город живет, работают санстанция, прокуратура, библиотека и даже кружок художников. Частный

сектор, составлявший до аварии большую часть города, в основном заброшен. Население города, более семи тысяч человек, проживает в пятиэтажных хрущевках. Работают посменно — постоянное проживание в Зоне отчуждения запрещено. Около трех тысяч человек работают на АЭС, прочие заняты дезактивацией, дозиметрией, экологией и обслуживанием.

Офис «Чернобыльинформа» встречает нас «приветом из детства» — радиометр у входа подозрительно знаком, не хватает только голоса: «Возьмитесь за поручни... Не подглядывайте».

Краткий инструктаж по технике безопасности.

— От проводника не убегать,
— Никуда не садиться, ни за что не хвататься.

— Плоды-ягоды не есть, не пить, не курить, на мох не наступать...
— ...хотя как вы на него не будете наступать, когда он тут везде?

ПРИПЯТЬ

КПП дитятки

Кирпичные пятиэтажки все еще сопротивляются натиску леса, выступая белыми скалами над волнами зеленого моря. Частные же сектора Чернобыля постигла иная участь — над ветхими крышами уже раскинулся плотный шатер. Заборов нет, подступы к бывшему жилью охраняет лишь крапива в человеческий рост. Кстати, очень жгучая!

Наиболее целым выглядит дом, защищенный табличкой: «Здесь живет хозяин дома». На другом — не стертая временем и непогодой надпись «Прости и прощай, мой дом!». На некоторых — ничего.

В первый дом у дороги мы не заходим — крыша зияет провалом, покерневшие балки, крупные комья золы — следы пожара. Чуть дальше от дороги уцелевший домик. Сильно пригнувшись, заходим, наши берцы оставляют рельефные следы в многолетней пыли. В крошечной комнатке с низким потолком железная кровать, фанерный шкаф и кирничная печь. Обычный интерьер, знакомый по лагерю новичков на Кордоне. Все ценное отсюда давно вынесли, только на подоконнике приотилась сиротливая конвалюта ацетилсалциловой кислоты, той, советской.

Справа от входа — лестница в погреб. В «Сталкер» здесь было бы отличное укрытие от выброса. Увы, от реального выброса оно не спасло.

Самодельная клетка. Никто теперь не скажет, для кого она была предназначена. Для кроликов? Или, быть может, нутрий? Решетчатые дверцы нараспашку — наверное, хозяин выпустил животных, прежде чем уехать.

Еще один дом, полный свидетельств поспешного бегства и грабежа. Двери нет, пол прихожей грозит провалиться, порог прикрыт стеганой ватной курткой колхозно-тюремного образца. Здесь сразу бросается в глаза обветшалый диван с высокой спинкой (зеркало из спинки вынуто, а узкие полочки не тронуты), розо-

вые узорчатые обои, над диваном календарная стенка (кусок картона с картинкой, на который крепился отрывной календарь). На карточке синей ручкой запись «стенка Полисянка» и номер телефона, пять цифр. Где эта стенка «Полисянка», производства Житомира?

Желтые от времени страницы пыльных, как все вокруг, газет; учебник правил дорожного движения. Среди вороха бумаг черно-белое фото молодой женщины с белокурым ребенком в матросском воротничке. Белый квадратик письма, нет, мы не будем разворачивать его. «...Щиро вітаю тебе з днем весни, з 8-м березня...», это не письмо, это прямоугольник открытки. Карманный календарик — яркая бабочка, год 1986...

Снова трясемся по пятнистому асфальту. Справа по курсу остаются площадки стадиона, там — «грязная» техника, осталось ее немного, изрядная часть дезактивирована и пошла на металлом. Движемся к реке. И вот перед нами — «кладбище кораблей».

Кладбище кораблей

Небольшая речная заводь, по краям обросшая круглыми листьями ярко-желтых кубышек, а у противоположного берега — ржающие корабли. Их тоже постепенно «выводят в расход», сейчас мы видим около десятка судов, а несколько лет назад их здесь было поболее.

В 1986-м они возили песок для тушения реактора. Проводник рассказывает, что от них и сейчас сильно фонит, как и от воды, и от того, что в этой воде растет. Домингеса радиоактивная вода не пугает, он рискнул спуститься и сорвать солнечно-желтый цветок.

Чернобыль был не первым

Атомные реакторы — это обычные топки, а операторы, ими управляющие, — кочегары...

Н.М. Синев,
заместитель председателя
Государственного
комитета по
использованию атомной
энергии СССР

Сейчас уже трудно поверить, что атомную энергетику в свое время пропагандировали как источник экологически чистого электричества. А ведь история аварий на реакторах началась фактически вместе с историей атомной энергетики...

С первых, еще экспериментальных, реакторов начали вырисовываться основные симптомы. Выход из-под контроля реакции в активной зоне, перегрев реактора, частичное выгорание и расплавление внутренностей реактора. И, как постоянный дамоклов меч, перспектива выброса взрывом радиоактивных веществ из активной зоны.

До Чернобыля крупнейшей и самой опасной считалась авария на АЭС «Тримайл-Айленд» в 1979 году. Это был первый случай, когда правительство решило эвакуировать население. Не обошлось и без выбросов радиоактивных веществ в атмосферу и в воду, но самого страшного — взрыва водородного пузыря внутри корпуса реактора — удалось избежать. Потенциально «Тримайл-Айленд» вполне мог стать американским «Чернобылем». Но не стал.

В Советском Союзе, как несложно догадаться, информация об авариях тщательно скрывалась. Причем не только от населения, но зачастую и от самих энергетиков, что лишало их возможности учитывать опыт уже случившихся несчастий.

За тридцать пять лет развития атомной энергетики человечество, в общем-то, не раз стояло на краю катастрофы, аналогичной Чернобылю. Каждый раз, порой ценой нескольких человеческих жизней, самого страшного удавалось избежать. В апреле 1986-го года человечество истощило запас своего везения...

Предшественники Чернобыля

1951	США, исследовательский реактор в Детройте	Перегрев расщепляемого материала в результате превышения допустимой температуры. Радиоактивное загрязнение воздуха.
1959	США, экспериментальный реактор, штат Калифорния	Расплав части топливных элементов в результате выхода из строя системы охлаждения.
1964-1979	СССР, Белоярская АЭС	На протяжении пятнадцати лет неоднократное разрушение (перегрев) топливных сборок. Ремонт активной зоны сопровождался облучением персонала.
1966	США, реактор «Энрико Ферми» неподалеку от Детройта	Частичное расплавление активной зоны в результате выхода из строя системы охлаждения.
1966	СССР, АЭС в городе Мелекессе (Димитровград)	Разгон реактора на мгновенных нейтронах. Облучились дозиметрист и начальник смены АЭС.
1971	США, реактор в Монтжелло, штат Миннесота	Почти 200 тонн радиоактивной воды из переполненного хранилища отходов вытекло в реку Миссисипи.
1974	СССР, Ленинградская АЭС	Взрыв железобетонного газгольдера выдержки радиоактивных газов, жертв не было.
1975	СССР, Ленинградская АЭС	Частичное разрушение активной зоны энергоблока. В ходе продувки реактора азотом в атмосферу было выброшено около 1,5 миллиона кюри высокоактивных радионуклидов.
1977	СССР, Белоярская АЭС	Расплавление топливных сборок. Ремонт с постоянным переобучением персонала длился около года.
1978	СССР, Белоярская АЭС	Пожар на энергоблоке. При аварийной подаче охлаждающей воды в реактор облучились восемь человек.
1979	США, АЭС «Тримайл-Айленд», Пенсильвания	Расплавление активной зоны реактора, выброс радиоактивного газа и жидкости. Эвакуация населения.
1979	США, завод по производству ядерного топлива, штат Теннесси	Выброс высокобогащенного урана. Около тысячи человек получило высокую дозу облучения.
1982	США, реактор «Джина» близ Рочестера	Разрыв трубы парогенератора, выброс радиоактивного пара в атмосферу.
1982	США, АЭС близ Онтарио, штат Нью-Йорк	Авария в системе охлаждения, утечка радиоактивных веществ в атмосферу. Введено чрезвычайное положение.
1982	СССР, Чернобыльская АЭС	Разрушение центральной топливной сборки из-за ошибочных действий персонала. Радиоактивный выброс на промзону и город Припять, облучение персонала.
1982	СССР, Армянская АЭС	Взрыв генератора. Большая часть персонала в панике покинула станцию, и только прибывшая оперативная группа помогла спасти сан реактор.
1985	США, АЭС «Индиян-Пойнт-2» близ Нью-Йорка	Утечка радиоактивной воды за пределы АЭС.
1985	СССР, Балаковская АЭС	При проведении пусконаладочных работ вырвало предохранительный клапан, и трехсотградусный пар стал поступать в помещение. Погибли четырнадцать человек.

Недалеко от порта — пожарная часть. Перед заездом в нее располагается скульптурная композиция. «Тим, кто врятав світ». Необычный памятник: нет в фигурах привычной величавой статики. Группа людей занята делом, словно на мгновенном фотоснимке. К этому памятнику возлагают цветы, приезжают «видные политические деятели» — а официально его не существует. Ни в каких списках не значится. Потому что создали скульптуру сами жители города...

Впереди нас ожидает электростанция, но по пути — несколько остановок. Проверка документов на КПП при въезде в десятикилометровую зону. Затем с моста над Припятью открывается вид на ЧАЭС, безусловно, заслуживающий внимания. Злополучный четвертый, недостроенная «третья очередь» — пятый и шестой энергоблоки, исполинский усеченный конус градирни. Слева маячит призрачно-серая решетка — закрытый объект «Чернобыль-2», антенна системы раннего обнаружения пуска баллистических ракет. Туда нас, к сожалению, не пустят.

За окнами мелькает лес Чернобыльской пущи, весь утыканный табличками «Берегите лес... Стоп. Белый щит с надписью «с. Копачи». Выходим.

Тут что-то не так... Лес есть, а домов среди деревьев не видно. Проводник показывает на крупный холм, украшенный знакомым жел-

тым треугольником. Вот он, дом. Был когда-то. Копачи (ну и название!) теперь закопаны. Село было накрыто радиоактивным «пятном»; дома пришлось разрушить и полностью засыпать землей.

Станция

На подъездах к станции нас предупреждают: снимать уже можно далеко не все. Иначе, говорят, охрана будет нервничать и может попытаться засветить снятые кадры. Ну а флэшки цифровиков могут оказаться засвеченными совсем радикально.

Конечно, мы снимаем в первую очередь то, что нельзя. Комплекс подстанций АЭС и вот этот ядовито-желтый подъемный кран за смотровой площадкой энергоблока...

Высаживаемся, осматриваемся. Слева монумент «Прометей» — изначально он стоял в центре Припяти и был одним из символов города, а после катастрофы был перемещен к АЭС. Справа от точки высадки — охладительный водоем и железнодорожный мост над ним.

Физика катастроф

О чернобыльской катастрофе написано немало. Неоднократно рассматривались ее причины, обсуждались вопросы «правых и виноватых», оценивались последствия, подсчитывался урон. Полагаю, в очередной раз пересказывать своими словами эту эпопею нет никакой необходимости. Давайте лучше попробуем разобраться в тех мудреных словах, которыми сыпали авторы множества статей о чернобыльской катастрофе.

Итак, начнем с радиоактивного заражения местности. В общем и целом, речь идет о выпадении из поднятого в воздух облака большого количества радиоактивных изотопов на определенной территории. Однако заражение заражению рознь. К примеру, при ядерном взрыве образуется значительное количество короткоживущих изотопов, которые имеют колоссальную активность, но сравнительно быстро распадаются. Можно выделить три основных источника радиоактивных веществ при ядерном взрыве.

Первый — это продукты деления урана или плутония, составляющих боевую часть ядерного устройства. Второй — не вступившие в реакцию остатки заряда, который при взрыве превращается в высокотемпературную плазму, а впоследствии остывает и выпадает на местность мелкодисперсной пылью. Третий — радиоактивные изотопы, которые образуются в грунте, воде и других материалах под воздействием мощного всплеска гамма-излучения и нейтронов (так называемая **наведенная радиоактивность**).

Характер заражения местности при ядерном взрыве очень сильно зависит от высоты подрыва заряда (при высотном или подземном взрыве заражение практически отсутствует), а изотопы, образующиеся при воздействии нейтронов и гамма-излучения, как правило, короткоживущие.

Техногенные катастрофы, связанные с выбросом в воздух большого количества радиоактивных материалов, дают совершенно другую картину заражения. Ядерная электростанция — это не замедленная ядерная бомба. В процессе «выгорания» урана в активной зоне реактора образуются такие продукты деления, которых не бывает при взрыве. Более того, эти продукты не только радиоактивны, но и высокотоксичны.

Особую опасность при взрыве ядерного реактора представляют фрагменты тепловыделяющих сборок, содержащих радиоактивные изотопы в очень высокой концентрации. Случайно наступив на неприметный серый обломок, лежащий в траве, можно почти мгновенно получить смертельную дозу.

Теперь давайте разберемся с единицами измерений. Несмотря на примелькавшиеся рентгены, рады, беккерели и кюри, мало кто понимает, что измеряют в этих единицах и для чего они предназначены. Стараниями «популяризаторов» системные и внесистемные единицы ядерной физики и радиobiологии смешаны в неразличимую кучу. Надо разгребать...

И тут я, с вашего позволения, передам слово своей уважаемой супруге — ей наверняка хватит терпения разложить все по полочкам.

КПП дитятки

линия горизонта

ЛУЧШИЕ
КОМПЬЮТЕРНЫЕ
ИГРЫ

Рентген и его коллеги

Принимаю эстафету и переходу сразу к делу. Итак...

Рентген. Именитая единица, которая, что называется, у всех на слуху. Тем не менее она внесистемная, то есть не входит в общепринятое ныне систему единиц СИ. Определяется она по ионизирующему воздействию излучения на сухой атмосферный воздух. Если в кубическом сантиметре воздуха под воздействием излучения образовались ионы суммарным зарядом в одну единицу заряда СГСЭ, говорят о дозе излучения в один рентген. Непонятно, правда? Впрочем, экспериментально установлено, что однократная предельно допустимая для человека доза ионизирующего излучения составляет 50 рентген. Однако поток нейтронов, которые практически не ионизируют воздух, в рентгенах не измеришь.

■ ЭТО ИНТЕРЕСНО: ГОСТ 8.417-81 прямо запрещает использование большинства внесистемных единиц измерения, однако рентген по-прежнему достаточно широко используется в технике. Причина этого достаточно проста: многие дозиметры отградуированы именно в рентгенах.

Есть и системная единица, соответствующая рентгену. Называется она скромно — кулон на килограмм, но имеет хождение только в среде физиков-ядерщиков.

Рад. Эта внесистемная физическая единица куда более существенна, чем рентген, поскольку определяет количество переданной излучением энергии на единицу поглощающей массы. Рад позволяет с равной легкостью оценивать и ионизирующие излучения, и нейтроны. Согласно определению, один рад — это поглощенная доза излучения, которая передает 100 эрг одному грамму вещества.

Бэр (биологический эквивалент рада). Эта радиобиологическая единица так и не получила широкого распространения, поскольку достаточно быстро была вытеснена системной единицей зиверта. Суть бэра состоит в приведении разнородных ионизирующих излучений к единому образцу по их воздействию на биологические объекты. Для этого существовали весьма неудобные и объемистые таблицы.

Грей. Системный эквивалент рада, оперирующий привычными для нас джоулем и килограммом. То есть доза излучения, передавшая один джоуль энергии одному килограмму массы, — это ровно один грэй.

Зиверт. Как уже было сказано, эта единица полностью вытеснила бэр. Численно она в сто раз больше бэра, имеет ту же размерность, что и грэй. Однако это вовсе не означает формального равенства зиверта и грэя. При пересчете из грэя в зиверты используются коэффициенты качества, зависящие от типа излучения.

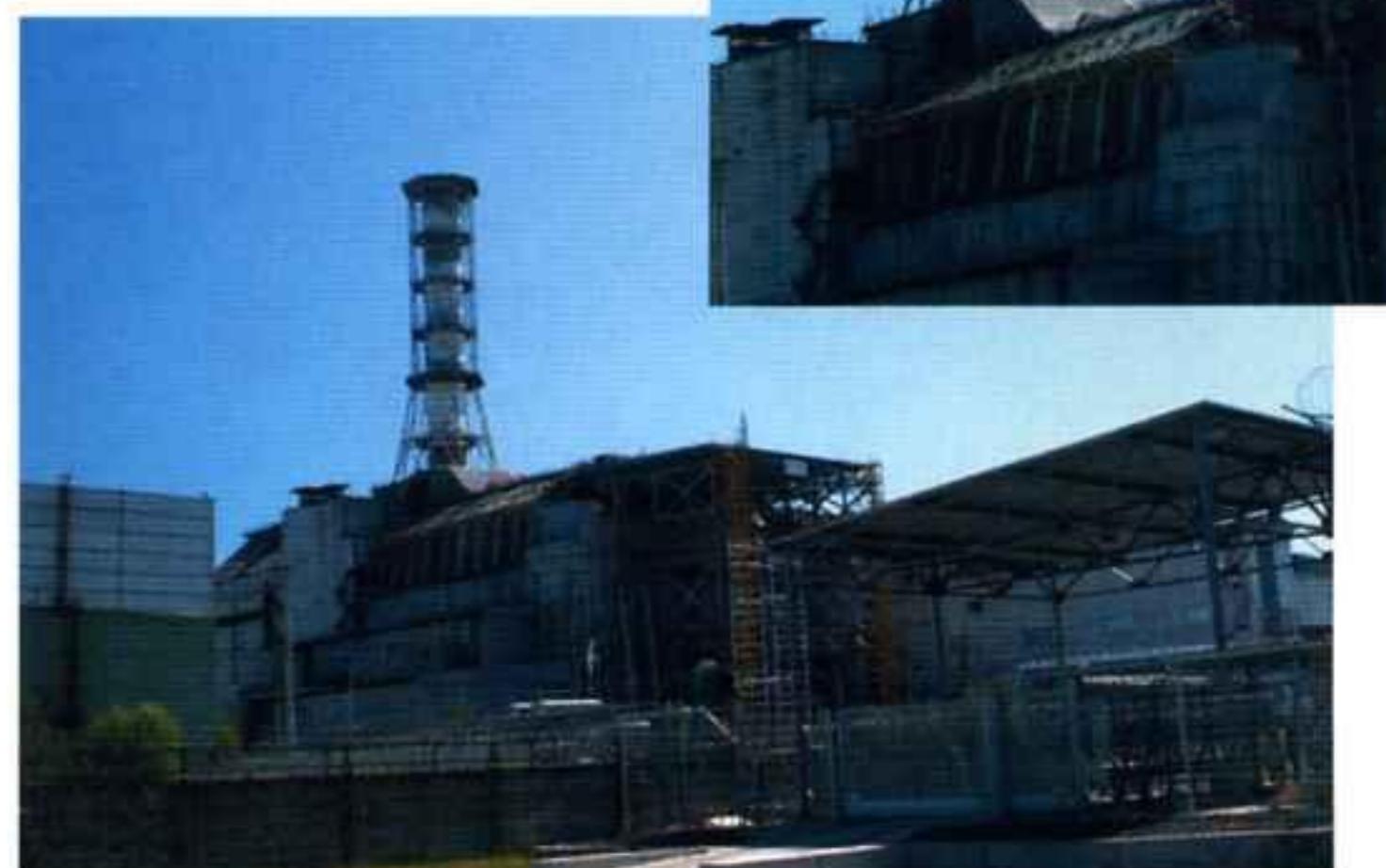
Кюри. Внесистемная единица, измеряющая количество радиоактивности. Изотоп имеет активность в 1 кюри, если в нем ежесекундно происходит 37 миллиардов актов распада ядер. Почему именно столько — вопрос исторический. Дело в том, что изначально единица кюри определялась макроскопически, то есть как радиоактивность радона, находящегося в радиоактивном равновесии с одним граммом радия-226. А количество актов распада посчитали значительно позже.

Беккерель. Системный аналог кюри. Считается, что активность вещества равна 1 Бк, если в нем происходит один акт распада в секунду.

Обстановка вокруг АЭС стала для нас некоторой неожиданностью. Буйная зелень, аккуратные здания, работники без спецкостюмов — обычные люди, кто в летней форме, кто и вовсе «по гражданке», рукава короткие, головных уборов часто нет. И это здесь, в непосредственной близости от 4-го энергоблока!

Впрочем, люди здесь далеко не единственные живые существа. Мы на мосту, под нами желтые воды пруда (эта вода использовалась для охлаждения реакторов вплоть до полной остановки АЭС), а в воде — рыба!

Глазам не верится, столько рыбы просто не бывает... А нас уже ждут местные любимицы — знаменитые чернобыльские сомы, для которых мы захватили традиционную буханку хлеба. Каждый рыбак мечтает поймать такого сома — на глаз длина красавцев не меньше двух-трех метров. Под площадкой их кружит не меньше десятка. Огромные пасти почти на лету хватают хлеб. Похоже, к угощению здесь привыкли.

Проходящий мимо сотрудник ЧАЭС говорит, что мы еще «во-от таких здешних наливов не видели». Охотно ему верим.

■ НА ЗАМЕТКУ: в том, что сомы вымахали до таких размеров, «виновата» радиация. Если бы не она, рыбаки растаскали бы их, не дав вырасти ...

Наша цель на территории станции — объект «Укрытие», саркофаг, возведенный над четвертым энергоблоком. Смотровая площадка расположена в нескольких сотнях метров от объекта. По центру площадки — еще один монумент, на этот раз уже всецело официальный. Сложно не узнать этот фундаментально-уродливый стиль: из-под земли торчат две безликих каменных руки.

Масштабы «Укрытия» впечатляют — исполинская «авилонская башня», испещренная лестницами и переходами, обвшанная строительными лесами. Прячущая форма сооруже-

ния, обилие выступов, пристроек, неожиданных углов царапают глаза — будто чересчур настойчивый ребенок захотел использовать все детали «конструктора».

Юлия вспоминает собор Снежной Богородицы в Праге. Да, пожалуй, есть нечто общее...

Далее дорога ведет нас в сторону Припяти. Остановка на печально известном «Мосту Смерти». Говорят, что, услышав об аварии на атомной станции, горожане пришли сюда полюбоваться пожаром. Говорят, что позже здесь поставили оцепление. И еще говорят, ни те, ни другие не прожили потом и нескольких месяцев...

Припять

На въезде мы проходим через последний на нашем пути КПП. Шлагбаум остается позади. Мы — в Мертвом городе.

Жутковато-научное слово «дезактивация». После аварии все деревья здесь были вырублены, деревья срезаны, земля перекопана «на глубину штыка», все, что мылось, было вымыто... Повсюду стронций, цезий, полоний... Все это навязывает жутковатый образ — ожидаешь увидеть «голый» асфальт; битый кирпич, бледный бетон.

Но «жестокая» реальность беспощадна к нашим представлениям. Проспект Ленина, на который неспешно въезжает наш микротроллейбус, мало чем отличается от лесов Чернобыльской пущи. Асфальт стремительно сдается позиций, ветви деревьев почти цепляются за автомобиль. Здания почти неразличимы в густой листве. С трудом припоминается, что в игре локация начинается именно с этого проспекта.

Когда за деревьями мелькают буквы «...Полис...», мы сворачиваем и движемся по улице Курчатова до улицы Леси Украинки, а оттуда — на Спортивную. Здесь нас ждет бассейн «Лазурный».

Первое, что мы умудрились сделать, войдя в здание бассейна, — это потерять нашего проводника. А едва потеряв — тотчас обрадоваться временно обретенной свободе и разбежаться в разные стороны, смотреть и снимать, не теряя, впрочем, осторожности.

На самом деле «Лазурный» — это не бассейн, а полноценный спорткомплекс. Если подняться на второй этаж, попадаешь в чудовищно пыльный спортзал. Краска на стенах осипалась или отбита вместе со штукатуркой, полы у дальней стены разобраны. Ярким пятном на противоположной стене белеет прямоугольник баскетбольных «ворот». По залу разбросаны сдувшиеся мячи. Поднимаемся на этаж выше, через душевые, темный коридор (благо фонари у нас с собой) — и оказываемся на балконе над знаменитым бассейном, чуть ниже верхней площадки вышки для прыжков в воду.

Воды здесь давно нет. Как и стекол в узких оконных рамках. По словам сопровождающего, бассейн работал и после аварии.

Автодром и колесо обозрения

До парка аттракционов мы добрались пешком от улицы Лазарева, через дворы, на ходу фотографи-

руя желтые яблочки, черные ягоды, противогаз и портрет одного из вершителей судеб советской эпохи. Раздвинув свисающие до земли ветки ивы, выходим на площадь...

Здесь проводники любят демонстрировать коварство Зоны. Подносим дозиметр к участку асфальта в полутора метрах от карусели, а затем — к аттракциону «Автодром». Разница показаний повергает в шок: от ощупывания машинок определенно стоит воздержаться.

Аттракцион зарос травой, качели-лодочки оборвались (возможно, под собственным весом), одна из лодочек лежит посреди площадки; грустно выглядит и маленькая карусель. Но в центре внимания, конечно, колесо обозрения. Мы идем к нему с чувством узнавания старого друга, с которым давно не виделись: ну, здравствуй, Колесо, вот и довелось свидеться «в реале»... При ближайшем рассмотрении понимаем, что в той, «виртуальной», Припяти оно явно помасштабнее. Проводник предупреждает, что скоро аттракционы закроют для посещений. Колесо грозит обрушиться. Жаль.

Проходим по узкой дорожке мимо портретов вождя пролетариата. Перед нами гостиница «Полесье» и дом культуры «Энергетик». Ага, вот и знаменитый мох в большом количестве. У нас двадцать минут на осмотр площади и объектов, получаем инструкцию «очень внимательно смотреть под ноги» и привычно бежим в ДК.

Лучевая болезнь и кактус на мониторе

И лечусь «Столичною» лично я,

Чтобы мне с ума не

стронуться:

Истопник сказал,

что «Столичная»

Очень хороша от

стронция!

Александр Галич

#04 ВАЕР

Борис Яворский
судебно-
медицинский
эксперт

Чем меньше знаний, тем больше гордишься каждым из них. Хлестко звучащее словосочетание «лучевая болезнь» после событий 1986-го года для миллионов обывателей стало сакральным знанием, не нуждающимся в расшифровке. А далее желтая пресса в тесном союзе с рекламодателями превратила этот термин в универсальное пугало.

Сейчас порядочный обыватель пребывает в твердой уверенности, что лучевая болезнь — она, в основном, от мобильных телефонов, компьютеров, СВЧ-печей... В общем, где есть излучение, там, значит, и лучевая болезнь, компрене ву? Конечно же, нужно защищаться от безжалостной радиации особыми защитными наклееками (недорого) и специальными генераторами торсионных полей (недешево, но ведь здоровье дороже, не правда ли?).

Конечно, никакая бытовая техника такого излучения не создает. Это миф. И это было бы смешно, если бы не встречалось настолько повсеместно.

Так что же такое «лучевая болезнь»?

Факторов, способных вызвать ее, немного. Это альфа-, бета- и гамма-частицы, потоки нейтронов и рентгеновские лучи. Проходя сквозь материю, они вызывают ионизацию. Лучше всего ионизируются молекулы воды, которой в человеческом организме хватает с лихвой. Образуются свободные радикалы — заряженные «обломки» Н и ОН. Стремясь вернуться в стабильное состояние, они вступают в химические реакции, поражая основную мишень радиации — клетку. При этом страдают нуклеиновые кислоты, белки и прочие сложные молекулярные цепочки. Основная масса клеток гибнет, а некоторые мутируют.

Где же на самом деле можно получить дозу, заметно превышающую естественный природный фон? Источники радиации, ведущей к развитию лучевой болезни, могут быть внешними и внутренними, то есть находиться или в окружающей среде, или в теле человека.

Наибольшее значение в быту имеют именно внутренние источники радиации. Речь идет о поглощенных организмом (с пищей, водой, воздухом) нестабильных изотопах — радионуклидах. Впоследствии эти элементы распадаются внутри организма с выделением опасного излучения. В зависимости от состава загрязнений формируется и соответствующий характер поражения. Так, цезий и полоний в основном откладываются в печени, вызывая цирроз; стронций, радиум и плутоний — в костях, что ведет к угнетению костного мозга и развитию лейкозов; йод — в щитовидной железе.

Можно ли как-то защититься от проникновения радионуклидов в организм?

Безусловно. Но — только на этапе санитарного контроля. Никаких эффективных приспособлений, способных выковырять нестабильные изотопы из тела, пока не существует. Опасные «пищевые добавки» выводятся естественным способом с той же скоростью, что и стабильный изотоп элемента. Этот факт обязательно нужно учитывать, когда очередной истопник с верительными грамотами от «солидного института» придет к вам с «эксклюзивным предложением».

А кактусы лучше ставить не на монитор, а позади своего кресла, на низенькой тумбочке. Подойдет кто-нибудь, чтобы бесцеремонно заглянуть вам через плечо, слегка нагнется и...

КПП ДИТЯТКИ

«Чернобыльский» синдром

В деревне построили вышку сотовой связи. Вскоре люди стали жаловаться на головные боли и ухудшение самочувствия.

В ответ на претензии директор ответил:

— Это все чепуха. Вы только представьте, что будет, когда мы ее включим!

Страх и радость — естественные спутники прогресса. Начало Атомной эры было встречено с восторгом: лучи Вильгельма Рентгена победили рак, а радиевый свет стал на стражу здоровья и красоты. Широко рекламировались радиоактивный крем, зубная паста с радием, питьевая вода, шоколад...

Первая вспышка радиофобии зафиксирована в 1945 году, после бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Радиация вдруг стала осозаемой, мигом превратившись из абстрактного проекта в реальное оружие, а ядерная война стала общим страхом для целых поколений. Однако мирный атом еще не воспринимался как источник опасности....

Пока весной 1986-го не грянуло. В первые дни после Чернобыльской катастрофы, по версии официальной медицины, «имела место вспышка радиофобии». Это не вполне корректно, поскольку само слово «фобия» подразумевает беспочвенный страх, навязчивое патологическое состояние. Тут же страх имел под собой все основания. Недостаток информации компенсировался слухами, а о серьезности произошедшего говорила массовая эвакуация жителей с зараженных территорий.

Впрочем, советская психиатрия в то время играла скорее карательную роль, нежели научную или медицинскую, — щепетильность в терминах ей была глубоко чужда.

Последствия аварии, получившие общее название «Чернобыльский синдром», не исчerpываются радиофобией. Взрыв навсегда разделил людей на несколько неравных групп.

В первой — ликвидаторы последствий аварии. Их ощущения можно описать двумя словами — «забытые герои». Спустя два десятилетия после катастрофы о них вспоминают в двух случаях: к очередной годовщине и к выборам. В свое время раздавались награды и премии, но, увы, далеко не всегда тем, кто заслужил. Были деятели, которые получали ордена и льготы, пробы не большие часа в Зоне; их вклад в «ликвидацию последствий аварии» ограничился несколькими фразами начальственных распоряжений. Были и те, кто провел там месяцы, лишился здоровья и был успешно забыт...

Вторая, более многочисленная группа — жертвы Чернобыля. Здесь те, кто потерял все, будучи эвакуированным с загрязненных территорий, и те, кто стал инвалидом, попав под «черный дождь». Число травмирующих факторов у них запекало: потеря близких, утрата здоровья, отторжение обществом, страх и материальные тяготы. Тяжелее всего пришлось детям. Сначала их избегали и дразнили одноклассники, боясь «заряды». Потом, в период «перестроенной» экономики, им завидовали (льготы, бесплатное питание, санаторное лечение). В результате — ипохондрия, воспитанная беспомощность, комплекс неполноценности.

В этой группе тоже немало «чужеродных элементов». Статус жертвы Чернобыля был выгоден и в первое время после аварии, и в эпоху перестройки — неудивительно, что в их число затесалось немало ловкачей.

Не осталась в стороне и остальная часть человечества, которую условно можно отнести к третьей группе. Даже те, кто не столкнулся ни с самой аварией, ни с ее последствиями, осознали радиацию в качестве незримой, но смертельной опасности, исходящей от самых безобидных на вид предметов. А радиофобия окончательно закрепилась в и без того обширном списке фобий.

Дом культуры «Энергетик»

В холле взгляд первым делом падает на знакомое панно с инженерами-атомщиками, танцующими гуцулами и барышней-колхозницей. Поднимаемся по мраморной лестнице на второй этаж. Во-первых, оттуда лучше видно картину. Во-вторых, здесь вход в актовый зал, в котором, помнится, медитировали монолитовцы.

Зал темный, пыльный и пустой. Доски пружинят под ногами, сцену загромождает осветительная аппаратура, свисающая почти до пола. На обрывок розового занавеса через пробитую крышу падает одинокий луч солнца. От попыток зайти за кулисы приходится воздержаться, доски прогнили, пол зияет черными провалами. В игре именно здесь висит часть панно, украшающего холл ДК. Та самая, на которой инженер с рулем чертежей.

На первом этаже обнаруживается чудом сохранившееся зеркало с черными пятнами съеденной временем амальгамы. Рефлексы сильнее обстоятельств — наши дамы немедленно «приводят себя в порядок».

Из дома культуры, перепрыгивая через подушки мха, добираемся до гостиницы. На полу «культурный слой» из штукатурки и битого стекла, стены покрыты «сотами» растрескавшейся от времени краски. В некоторых номерах обстановка относительно сохранна: знакомые шкафы с застекленными дверцами, стулья... Но контраст между интерьераами и исправно висящими на дверях номеров «Списками материальных ценностей» разителен. Двадцать шестой номер девственно пуст — видимо, тайник здесь искали тщательно.

С пентхауса гостиницы весь город — на ладони. Вид на станцию тоже хороший. Понятно, почему двадцать два года назад именно на верхних этажах гостиницы был развернут первый штаб «ликвидаторов», оперативно свернутый после радиометрии.

А сейчас на месте бывшего штаба растет береза.

линия горизонта

ЛУЧШИЕ
КОМПЬЮТЕРНЫЕ
ИГРЫ

И, пожалуй, именно эта картина, наше последнее впечатление в Припяти — молодое деревце, выросшее на верхнем этаже небоскреба, — стала для нас символом этого города.

Обратная дорога порадовала неожиданной встречей. Недалеко от Рыжего леса (от него, к сожалению, осталось лишь несколько сухих стволов) пасется табун лошадей Пржевальского, голов десять. Диана, наш оператор, с камерой наперевес самоотверженно крадется к ним, по, возможно, «грязной» траве...

А проводник машет рукой: лошади, мол, это обычное дело, вот был случай — чуть не столкнулся нос к носу со стадом диких кабанов в полсотни штук, вот это было дело! А лошадей здесь много, и олени развелись, а живности помельче — и не сосчитать ...

• • •
«Мертвый город». Эти слова накрепко приросли к Припяти. Город-музей, город-призрак, город-кладбище... Действительно, в Припяти как на кладбище — тихо, спокойно, пахнет травой и пылью. И вместе с тем город наполнен жизнью. Парадокс? Вовсе нет.

Те, кто возвращался из Зоны отчуждения, нередко писали про якобы испытанный ими «мистический» страх... Смутное чувство «взгляда в спину», «молчаливый укор». Сказать по правде, ничего подобного мы не ощутили...

Люди считают, что именно они — душа города. А тело без души — труп. Отсюда и страх. Пустые дома, тишина, бесчисленные следы прошлого, знаки «Здесь были люди». Все напоминает нам о том, что мы в гостях на Земле, пришли и уйдем. Мы едем в покинутые города, чтобы заглянуть «за край», туда, где нас уже не будет, и отворачиваемся в суеверном страхе, боясь увидеть жизнь-без-нас.

Но если следовать логике «люди — душа города», живым мы должны назвать многомиллионный мегаполис, задыхающийся в клубах смога, закованный в асфальт и бетон. Нет. На наш взгляд, такой город куда больше похож на агонизирующего больного, чем буйно цветущая, утопающая в зелени Припять.

Уникальное место, где природа вырвалась из цементного плена. Место, где бьет ключом первозданная жизнь.

Без человека.

• • •
Наша экскурсия не закончена. Мы продолжаем ее в видеожурнале, где вас ждут видеорепортаж и авторская фотогалерея.